

**ОБРАЗЫ «МНОГОПЛЕМЁННОГО ВОСТОКА»
В КАВКАЗСКОМ ЦИКЛЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО «САЗАНДАР» (1846–1851)¹**

В статье рассматриваются художественные поиски Я.П. Полонского в воссоздании инонационального культурного контекста в кавказском цикле «Сазандар» (1849). Особое внимание уделено типологии национальных характеров: «мудрого старца» («Старый Сазандар»), «бесстрашного джигита» («Агбар»), «народного певца» («Сатар»), «благородного разбойника» («Караван»), «гордого бродяги» («Выбор уста-баша»), «восточной красавицы» («Татарка», «Тамара и Руставель»). Установлено, что устойчивые типы воплощают в себе различные грани национальной характерологии народов Кавказа. Для детального рассмотрения выделен образ Тимур-Гассана как наиболее яркого национального характера и одновременно – известного мировому фольклору образа благородного разбойника. Кавказские характеры воссозданы Полонским с тонким чувствованием восточной ментальности, с уважением к традициям и обычаям народов Кавказа. Поэтика инонационального характера реализуется в цикле «Сазандар» через яркие портретные описания, эмоционально насыщенные диалоги, приемы психологической интроспекции, поступки и действия персонажа, неразрывную связь с экзотической природой и «духом гор». Интерес Я.П. Полонского к народным кавказским типам и характерам явился следствием его общей литературной и гражданской позиции, приверженности реалистическому методу, гуманистическим и демократическим ценностям. Романтические тенденции в восприятии природных красот Кавказа, народных традиций, обычаев, легенд органично вписаны в общую реалистическую канву цикла, центром которого является личность и судьба русского поэта, его богатый внутренний мир. Новаторство Полонского проявилось в сочетании элементов восточной идиллии и физиологического очерка, в воссоздании образа многонационального восточного города в аспекте социально-бытовой повседневности («Тифлис»). Цикл представляет собой пример заинтересованного и доброжелательного этнокультурного диалога, реализованного в рамках «кавказского текста» русской литературы.

Яков Полонский, цикл «Сазандар», образ Кавказа, типология национальных характеров, восточная ментальность, поэтика этнокультурного диалога, «кавказский текст» русской литературы.

Стихотворный цикл Я.П. Полонского «Сазандар» (1846–1851) неоднократно становился объектом изучения, причем в различных аспектах: с точки зрения своеобразия художественного решения «ориентальной тематики»², в аспекте взаимодействия реалистических и романтических тенденций в творчестве поэта³, в контексте становления «кавказского мифа» в русской литературе XIX века⁴.

Вместе с тем, целый ряд аспектов этого оригинального и во многом этапного для русской поэзии произведения изучен недостаточно. Среди проблем, требующих своего углубленного осмысления, можно назвать такие, как воссозданная в нем типология национальных характеров, соотношение национальных образов мира в ракурсе русской и восточной ментальности, поэтика этнокультурного диалога, место цикла в структуре «кавказского» текста русской литературы. Следует выделить и более частные вопросы: мастерство словесной живописи, приемы художественной детализации в поэтике Я.П. Полонского, способы включения интернационального контекста в художественную ткань произведения.

Общеизвестно, что собственная национальная идентичность отчетливее осознается в сопоставлении с инонациональной средой и традицией. Не случайно поэтому, как отмечает современная исследовательница И.Л. Багратион-Мухранели, «изучение констант русского национального самосознания в соприкосновении с иной национальной средой остается одной из наиболее приоритетных и перспективных областей отечественного гуманитарного знания»⁵.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

² Богомолов И.С. Полонский в Грузии. Тбилиси : Литература да хеловнеба, 1966. 200 с. ; Его же. Армения в творчестве Полонского. Ереван : Изд. АН Армянской ССР, 1964. 126 с.

³ Федосеева Т.В. Творчество Я.П. Полонского: о направлениях современного изучения [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2014. № 3. С. 66–83 ; Морозова С.Н. Творческая индивидуальность Я.П. Полонского: взаимосвязь романтических и реалистических традиций : дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2010. 171 с.

⁴ Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 201 с.

⁵ Багратион-Мухранели И.Л. Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. С. 3.

Цикл Я.П. Полонского «Сазандар» примечателен именно тем, что создан на перекрестье национальных культурных традиций, во взаимоотражении двух национальных картин мира – русской и кавказской. Восприятие поэтом Кавказа интересно проследить в аспекте триединства базовых ментальных структур: национальный характер – национальный образ мира – национальный идеал.

Прежде всего следует подчеркнуть, что воссоздание инонационального культурного контекста в цикле «Сазандар» основано на тщательно разработанной типологии национальных характеров, выявлении устойчивых типов, воплощающих в себе различные грани национальной характерологии народов Кавказа: «мудрого старца» («Старый Сазандар»), «бесстрашного джигита» («Агбар»), «народного певца» («Сатар»), «благородного разбойника» («Караван»), «гордого бродяги» («Выбор уста-баша»), «восточной красавицы», «девы гор»⁶ («Татарка», «Тамара и Руставель»).

Одним из наиболее ярких национальных характеров в цикле «Сазандар» является Тимур-Гассан – герой «отрывка из восточной повести» «Караван». Образ дан в столкновении противоречивых черт, о чем свидетельствуют полярные по смыслу авторские определения: «герой», «бродяга», «шайтан», «злодей», «суровый всадник», «разбойник», «наездник грозный», «то разбойник, то святой».

Образ дополняют яркие авторские сравнения: «он в гору скачет, как шайтан», «подползает к чужому табу, как змей», «живет скитальцем».

Легендарный персонаж кавказских народных преданий, Тимур-Гассан воплощает в себе черты известного мировому фольклору образа благородного разбойника: при удобном случае он без стеснения «возьмет червонцы» у богатого караванщика, но «бедняка не тронет пальцем», «даст богомольцу золотой, и с богом в путь его проводит». В изображении Я.П. Полонского Тимур-Гассан – кавказский Робин Гуд: «Он – то разбойник, то святой, / То дух, который всюду бродит».

Среди других выразительных персонажей – суровый и грустный бродяга Гито, отвергший предложение нищей братии стать их старшиной («Выбор уста-баша»); народный певец Сатар, чья гортанная, мучительная и страстная песнь, которой внимает «весь Тифлис», без слов трогает душу поэта; мудрый старец Сазандар с его «важной думой» и «жаром песен» о невозвратном прошлом и незабытой юношеской любви; молодой татарин Агбар, готовый ради воссоединения с любимой пойти на любое преступление.

Горячие, страстные, неукротимые кавказские характеры воссозданы Полонским с тонким чувствованием восточной ментальности, с уважением к традициям и обычаям народов Кавказа.

Поэтика инонационального характера реализуется в цикле «Сазандар» через яркие портретные описания, эмоционально насыщенные диалоги, приемы психологической интроспекции, поступки и действия персонажей, неразрывную связь с экзотической природой и «духом гор».

Интерес Я.П. Полонского к народным кавказским типам и характерам, ярко проявившийся в цикле «Сазандар», явился следствием его общей литературной и гражданской позиции, приверженности реалистическому методу, гуманистическим и демократическим ценностям. Романтические тенденции в восприятии природных красот Кавказа, народных традиций, обычаев, легенд органично вписаны в общую реалистическую канву цикла, центром которого является личность и судьба русского поэта, его богатый внутренний мир.

Кавказ предстает в цикле «Сазандар» как многоликий мир народов и племен со своими нравами и обычаями, как «дивная страна», где «радостно слиянье // Природы и труда // Без угнетенья и страданья». Цикл представляет собой пример заинтересованного и доброжелательного этнокультурного диалога, реализованного в рамках «кавказского текста» русской литературы, отмеченного яркими именами Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского.

Образ «многоплеменного Востока» наиболее ярко представлен в стихотворении «Прогулка по Тифлису» (1846). Произведение объединяет в себе черты эпистолярного жанра (об этом свидетельствует подзаголовок «Письмо к Льву Сергеевичу Пушкину» – брату великого поэта, с которым Полонский сердечно и близко дружил) и признаки путевого очерка в его «маршрутной», «ландшафтной», «панорамной» разновидностях. Можно говорить и о том, что Я.П. Полонский является в этом произведении родоначальником особой историко-культурологической модели путевого очерка – «литературной прогулки», которая найдет свое развитие в XX веке.

---

⁶ Багратион-Мухранели И.Л. Динамика женских образов кавказской лирики и драматургии Я.П. Полонского // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха. Рязань, 2015. С. 190.

Поэт демонстрирует здесь талант объемного ландшафтного зрения, детального панорамного обзора, мастерство пейзажиста, живописца бытовых сцен. При этом черты восточной идиллии парадоксально переплетаются с признаками «физиологического» очерка – наследия «натуральной школы» 1840-х годов.

В этом стихотворении, являющемся своеобразной «зарисовкой с натуры», в большей степени, чем где-либо, проявился синкретический дар Полонского как поэта и художника. Неспешное передвижение по улочкам «столицы русского Востока», как называли Тифлис современники, выстраивается в своеобразный урбанистический сюжет – «путешествие во времени и пространстве». Присущий русскому взгляду на мир дар «сердечного, умного созерцания» (И. Ильин), свойственный Я.П. Полонскому, проявляется здесь во всей полноте – даже если перед взором поэта шумный и суетливый восточный базар:

Народ особенный! Я здесь люблю толкаться
И молча наблюдать – и молча любоваться
Картинами, каких, конечно, никогда
Мне прежде видеть не встречалось ⁷.

Здесь, в суете тифлисского базара, «разноплеменная толпа еще пестрее», и поэт яркими штрихами набрасывает выразительную галерею представителей самых разных народов и племен, сошедшихся на общем пространстве рыночной площади – малой модели яркого и пестрого восточного мира. Здесь «благочестивый татарин», пришедший к местному брадобрею выбрить голову; «два персианина», молча играющих в шашки; «работники, грузины из деревни», зашедшие в харчевню утолить голод; здесь же «осетины»; «два армянина», занятых шерстобитным ремеслом; «худой, невзрачный жид», прилежно ткущий «на станке тесьму и позументы»; возчики с вином из Кахетии; «шемаханский караван» с верблюдом из Средней Азии. Этот разноликий мир по-своему гармоничен, в нем нет места раздорам и конфликтам, и неподвзятому путешественнику трудно представить, что всего лишь «в ста верстах идет резня (Шамиль воюет)».

«Тифлис для живописца есть находка», – замечает Я.П. Полонский. Мастер акварели, он словно бы накапливает художественные впечатления для своих будущих живописных работ: делает портретные зарисовки, пейзажные наброски, рисует натюрморты из восточных и иных яств и лакомств с неизменными лепешками, кувшинами и бурдюками с вином.

Спешу на улицу – и вижу виноград
Висит тяжелыми, лиловыми кистями,
Вот перец и миндаль, а вот табак турецкий <...>
Товар персидский и замоскворецкий (т. 1, с. 57).

О «замоскворецком товаре» упомянуто не случайно – этим отмечено присутствие на базаре и русских купцов.

Предметный мир восточного быта («ковры», «кальяны, чубуки, кинжалы»), одежды и обуви («черкески», «чекмени», «башлыки», «архалуки», деревянные башмаки «подкоши») – все привлекает любопытный взгляд наблюдателя. Стихотворение Полонского по количеству воспроизведенных в нем реалий являет собой достоверный художественный документ, своеобразную поэтическую энциклопедию и поэтическую географию «русского Тифлиса» – окраинного центра Российской империи середины XIX века.

Тифлиссский «локус» четко обозначен местной топонимикой, вычерчивающей не только «карту» города, но и маршрут «прогулки»: от «Мухранского овражного моста» к «Армянскому базару» и далее – от «моста через Куру» «крутой подъем к заставе Эриванской». Караван-сарай, минарет, бани, «кривые улочки», «глухие закоулки»: «Где улица, где двор, в иных местах Тифлиса // Не разберешь...» Все замечает внимательный и любопытный взгляд поэта.

Облик Тифлиса дополняют выразительные зооморфные образы, характерные для Кавказа и Средней Азии: конь, буйвол, верблюд, осел.

«Вот буйволы идут, рога свои склоняя;
Тяжелая арба скрипит на двух колесах;
Вот скачет конь, упрямого коня
Стегает плеть; налево, с бурдюками,
Знать, из Кахетии с вином,
Дощатый воз плетется...
А вон ослы вразброд идут,

---

⁷ Полонский Я.П. Полн. собр. соч. : в 5 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 56. Далее тексты Я.П. Полонского цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

В кошелках угля несут
 И машут длинными ушами.
 <...>
 Вот, вижу, караван подходит шемаханский;
 Как великан, идет передовой верблюд,
 За ним гуськом его товарищи идут –
 Раздули ноздри и глядят спесиво;
 Их шеи длинные навтыяжку стоят,
 На них бубенчики нестройные звенят,
 С горбов висит космами грива;
 Огромные тюки качая на спине,
 Рабы востока тяжестию ноши
 Гордятся и блаженствуют вполне... (т. 1, с. 57)

Позиция «Учтвого Гостя»⁸ – наблюдателя, созерцателя, блуждающего по тифлисским улочкам и закоулкам, отличается высокой динамичностью, передается с помощью многократного повторения глаголов движения: «иду», «являюсь», «брожу», «спешу» (13 упоминаний) и зрения («видеть», «наблюдать», «любоваться» и др. – 12 раз).

Принцип «монтажа», смены наблюдаемых картин реализуется при этом через указательные частицы «вот» (13 упоминаний), «вон» (3 раза), а также наречий места «там» и «здесь».

Тифлисский «путешественник» стремится передать свои ощущения и впечатления адресату письма через внутренний диалог и с ним, и с потенциальными читателями. Отсюда – нацеленные на диалог глагольные формы: «взгляните», «представьте», «вспомните», «признаюсь вам».

По объему впечатлений, смене планов, количеству запечатленных персонажей, путевых комментариев, перемежающихся с лирическими и лирико-философскими отступлениями, «Прогулка по Тифлису», по нашему мнению, может быть отнесена к жанру «маленькой поэмы».

Идиллия восточного города контрастирует с изображением подлинных или мнимых тягот чиновничьей службы, изображенных почти сатирическими штрихами. Любование иным, не похожим на привычный, но по-своему гармоничным миром, позволяет отвлечься от напряженных раздумий, без которых немислим русский ум с его вечной печалью «не о своем горе» (А. Левитов), с его привычкой сочувственно «вопросать последнего из всех забытых нами братьев». Наблюдая не прекращающиеся ни на минуту трудовые заботы многоплеменного ремесленного люда, поэт делится с адресатом письма своими сокровенными мыслями:

Я знаю, что нужда не в силах разделять
 Ни чувств насыщенных, ни развитых понятий,
 Что наша связь давно разорвана с толпой,
 Что лучшие мечты – источники страданья –
 Для благородных душ остались мечтой...
 Итак, чтоб не входить в бесплодные мечтанья,
 Я поскорей примусь за описание. – С чего начать? (т. 1, с. 56)

Влияние пушкинского летящего «онегинского» стиля, перемежаемого то серьезными размышлениями, то нанизыванием увиденных картин и впечатлений, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», то шутилкой беседой с читателем, отчетливо ощущается в поэтике «Прогулки по Тифлису». Не исключено: поэту хотелось, чтобы его адресат – брат великого Пушкина – ощутил в посланном ему письме сердечную приверженность Полонского поэтическим урокам своего кумира, его характерным живым интонациям: «Повсюду я спешу ловить // Рой самых свежих впечатлений...» – как по-пушкински звучат эти строки!

В кавказском цикле Я.П. Полонского чрезвычайно важен внутренний сюжет «открытия Востока», познания многоликой инонациональной среды.

Репрезентация кавказского мира реализуется у Я.П. Полонского через мотив «открытие как откровение», через преодоление стереотипов и предубеждений прежнего восприятия этого мира, казавшегося «чужим». Обращает на себя внимание полное отсутствие превосходства «своего» над «чужим» в укладе бытия, в восприятии мира, что свойственно многим авторам, отдающим дань «ориентальной» традиции.

«Характерно, что в восприятии кавказцев русская литература не прибегает к средствам комического, кавказец никак не соотносится с “иностранцами”», – справедливо отмечает

⁸ Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме ... С. 102.

современная исследовательница И.Л. Багратион-Мухранели⁹. Действительно, что касается творчества Я.П. Полонского, то у него образ Кавказа предстает не в парадигме «свой – чужой», когда ментальные барьеры кажутся труднопреодолимыми, а сквозь призму иной, гораздо более «мягкой» оппозиции «свой» – «другой», где «другой» является объектом признанного интереса, а не отторжения или вражды.

Полонский идет пушкинской тропой, в чем-то следуя неоруссоистскому преклонению перед естественной органикой бытия «детей природы», людей восточной цивилизации и ментальности.

Духовный мир одинокого старика-сазандара, чья юность, любовь, страсть, казалось бы, остались в далеком прошлом, предстает гораздо более гармоничным и цельным, пронизанным мудрым и светлым приятием естественных законов бытия, чем мир «русского европейца». Мирочувствование же лирического героя пронизано совсем иным ощущением – чувством душевной усталости, одиночества, отчужденности от собственных корней, от просвещенных столиц, где, как ему кажется, его никто не ждет.

Неведомым образом старый сазандар проникает в грустные думы русского поэта. Знает или нет он о том, что для христианской веры греховными считаются чувства уныния и отчаяния, но именно из их гнетущего плена он стремится песней своей высвободить его страдающую душу:

«Молись, кунак, чтоб дух твой крепнул;
Не плачь, пока весь этот мир
И не оглох, и не ослепнул,
Ты званный гость на Божий пир.

Пока у нас довольно хлеба
И есть еще кувшин вина,
Не раздражай слезами неба
И знай: тоска твоя грешна» (т. 1, с. 61).

Хлеб и вино в христианской религии – символы тела и крови Христовой – звучат здесь как символы причащения жизни, парадоксально и вместе с тем органично вплетенные в восточную песнь певца – носителя иной ментальности, для которого они олицетворяют совсем другие ценности: земную плоть, вкус и радость бытия. В результате на подсознательном уровне между героями цикла возникает ощущение глубинного взаимопонимания, единения душ.

Таким образом, в цикле «Сазандар» реализован оригинальный жанрово-стилевой синтез восточной идиллии и «физиологического» (а также этнографического и путевого) очерка, в котором место социальных типов, характерных для реалистической традиции, заняли национально-этнические типы и типажи. Новаторство Я.П. Полонского проявилось также в воссоздании многонационального восточного города в аспекте социально-бытовой повседневности. Стихотворный цикл «Сазандар» стал одним из первых в русской поэзии примеров заинтересованного и доброжелательного этнокультурного диалога, реализованного в рамках «кавказского текста» русской литературы в триединстве национального образа мира, национального характера, национального идеала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багратион-Мухранели, И.Л. Динамика женских образов кавказской лирики и драматургии Я.П. Полонского [Текст] // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха. – Рязань, 2015. – С. 187–193.
2. Багратион-Мухранели, И.Л. Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2016.
3. Богомолов, И.С. Армения в творчестве Полонского [Текст]. – Ереван : Изд. АН Армянской ССР, 1964. – 126 с.
4. Богомолов, И.С. Полонский в Грузии [Текст]. – Тбилиси : Литература да хеловнеба, 1966. – 200 с.
5. Морозова, С.Н. Творческая индивидуальность Я.П. Полонского: взаимосвязь романтических и реалистических традиций [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2010. – 171 с.
6. Орлов, П. Я.П. Полонский: критико-биографический очерк [Текст]. – Рязань : Ряз. кн. изд-во, 1961.
7. Полонский, Я.П. Полн. собр. соч. [Текст] : в 5 т. – СПб. : Изд. А.Ф. Маркса, 1896. – (Издание, просмотренное автором).

⁹ Багратион-Мухранели И.Л. Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века. С. 3.

8. Романенко, С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2006. – 201 с.
9. Федосеева, Т.В. Лирика Я.П. Полонского 1860–1870 гг. в контексте западничества и славянофильства [Текст] // Я.П. Полонский: Личность и творчество в истории русской культуры. – Рязань, 2014. – С. 10–59.
10. Федосеева, Т.В. Творчество Я.П. Полонского: о направлениях современного изучения [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2014. – № 3. – С. 66–83.
11. Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) [Текст] : сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. Т.В. Федосеева. – Рязань : Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2015. – С. 351.

REFERENCES

1. Bagration-Myhraneli, I.L. Dinamika jenskih obrazov kavkazskoi liriki i dramatyrgii Ya.P. Polonskogo [Text] // Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha. – Ryazan, 2015. – S. 187–193.
2. Bagration-Myhraneli, I.L. Reprezentaciya Gryzii i Kavkaza v rysskoi literatyre XIX – nachala XX veka [Text] : avtoref. dis. ... d-ra filol. nayk. – M., 2016.
3. Bogomolov, I.S. Armeniya v tvorchestve Polonskogo [Text]. – Erevan : Izd. AN Armyanskoi SSR, 1964. – 126 s.
4. Bogomolov, I.S. Polonskii v Gryzii [Text]. – Tbilisi : Literatyra da helovneba, 1966. – 200 s.
5. Morozova, S.N. Tvorcheskaya individualnost Ya.P. Polonskogo: vzaimosvyaz romanticheskikh i realisticheskikh tradicii [Text] : dis. ... kand. filol. nayk. – Penza, 2010. – 171 s.
6. Orlov, P. Ya.P. Polonskii: kritiko-biograficheskii ocherk [Text]. – Ryazan : Ryaz. kn. izd-vo, 1961.
7. Polonskii, Ya.P. Poln. sobr. soch. [Text] : v 5 t. – SPb. : Izd. A.F. Marksa, 1896. – (Izдание, prosmotrennoe avtorom).
8. Romanenko, S.M. Kavkazskii mif v rysskom romantizme i ego evoluciya v tvorchestve Ya.P. Polonskogo [Text] : dis. ... kand. filol. nayk. – Tomsk, 2006. – 201 s.
9. Fedoseeva, T.V. Lirika Ya.P. Polonskogo 1860–1870 gg. v kontexte zapadnichestva i slavyanofilstva [Text] // Ya.P. Polonskii: Lichnost i tvorchestvo v istorii rysskoi kylytri. – Ryazan, 2014. – S. 10–59.
10. Fedoseeva, T.V. Tvorchestvo Ya.P. Polonskogo: o napravleniyah sovremennogo izycheniya [Text] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo yunivertsiteta imeni S.A. Esenina. – 2014. – N 3. – S. 66–83.
11. Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha (posvyashaetsya 195-letiu so dnya rojdeniya poeta) [Text] : sb. naych. tr. / sost. i naych. red. T.V. Fedoseeva. – Ryazan : Ryaz. gos. yn-t imeni S.A. Esenina, 2015. – S. 351.

O.E. Voronova

THE IMAGES OF MULTI-TRIBAL EAST IN J.P. POLONSKY'S COLLECTION "SAZANDAR"

The article treats J.P. Polonsky's artistic endeavors to depict a foreign culture in his Caucasus-related collection "Sazandar" (1849). The paper focuses on the typology of national characters: an old sage ("Old Sazandar"), a brave horseman ("Agbar"), a folk poet ("Satar"), a noble robber ("Caravan"), a proud rover ("A Vendor's Choice"), an eastern beauty ("A Tatar Girl", "Tamara and Rustaveli"). The image of a noble robber Timur-Gassan, which is both national and international, is analyzed in a more detailed way. J.P. Polonsky creates his Caucasian characters with perfect understanding of the eastern mentality and due respect to Caucasian traditions and rituals. The poetics of a foreign character is realized in the "Sazandar" collection through vivid portrait sketches, emotional dialogues, psychological introspection, characters' actions, exotic nature. J.P. Polonsky's attitude to Caucasian types and characters is a consequence of general literary and civilian position, realistic method, humanistic and civil position. Romantic tendencies of depicting Caucasian landscapes, national traditions, rituals and legends are interrelated with realistic aspects (a poet's life and fate, his rich inner world). J.P. Polonsky's innovations are manifested through the combination of ideal elements of the eastern world and the physiological description of a multinational eastern city against the background of social routine ("Tiffliss").

J.P. Polonsky, "Sazandar" collection, Caucasus images, typology of national characters, eastern mentality, ethnocultural dialogue, Caucasian literature.